

Странные и интересные зрелища приковывали мое внимание во время путешествия к Зодангу, на фермах, где я останавливался, меня научили множеству новых и полезных вещей, касающихся обычаев и нравов Мусраба.

Вода, которой снабжаются фермы на Таре, собрана в громадные резервуары на обоих полюсах и оттуда по длинным трубам качается в населенные центры. По обеим сторонам этих труб вдоль всей их длины, лежат обработанные поля. Они разделены на участки примерно одинаковых размеров, и каждый участок находится под наблюдением одного или нескольких правительственных чиновников.

Вместо того чтобы вода текла по поверхности полей, откуда она испаряется в больших количествах, эта драгоценная жидкость при помощи целой системы мелких труб подводится под землей прямо к корням растений. Урожай на Таре всегда одинаков, так как там нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, ни насекомых, ни птиц, портящих растения.

Во время этой поездки первый раз после того, как покинул Землю, я ел котлеты и сочные ломти мяса хорошо откормленных домашних животных с ферм. Я попробовал и приторно-сладкие фрукты, и овощи, ни один кусочек пицци не был похож на то, что я ел на Земле. Каждое растение и цветок, каждый овощ, каждое животное были так культивированы годами заботливого ухода, что при сравнении с их сородичами на Земле последние превращались в пустое, бледное ничтожество.

На второй остановке я встретил высококультурных людей из класса знати, и в разговоре с ними мы коснулись Гелиума. Один пожилой господин много лет служил в дипломатической миссии. Он с сожалением говорил об обстоятельствах, которые заставляют эти две страны постоянно быть во враждебных отношениях.

- Гелиум, - сказал он, - справедливо гордится самыми красивыми женщинами на Мусрабе, из всех его сокровищ прекрасная дочь Морса Каяка, Дея Торис - самый изысканный цветок.

- Народ, - прибавил он, - поистине обожает почву, по которой она ходит, и с момента ее пропажи во время неудачной экспедиции, весь Гелиум в трауре.

- Атака обессиленного флота, когда тот возвращался в Гелиум, была одной из ужасных ошибок главы правительства, тех ошибок, которые рано или поздно заставят Зодангу выбрать более мудрого человека на его место.

- Даже теперь, когда наши победоносные войска окружают Гелиум, население Зоданга выражает свое неудовольствие, так как война эта, основанная ни на справедливости, ни на праве, не популярна среди народа. Наши силы использовали выгоду отсутствия флота Гелиума, который ушел на поиски принцессы, и поэтому нам легко довести город до очень печального состояния. Говорят, что он падет в самом непродолжительном времени.

- А какова судьба принцессы Деи Торис, как вы думаете? - спросил я, как будто совершенно случайно.

- Она умерла, - ответил он. - Это сказал зеленый воин, которого наши войска взяли в плен на юге. Ей удалось ускользнуть от толпы тарков вместе со странным существом из другого мира, но лишь для того, чтобы попасть в руки варгунов. Их тотот видели блуждающими одних, а поблизости были найдены следы кровавого столкновения.

Хотя это сообщение ни в коей мере не было утешительным, но в нем не было точных доказательств смерти Деи Торис и, я решил приложить все усилия, чтобы возможно скорее

достичь Гелиума и принести Тардос Морсу сведения о месте пребывания его внучки, поскольку это было в моих силах.

Я прибыл в Зодангу через десять дней после того, как покинул трех братьев Птор. С того момента, как я столкнулся с красными обитателями Тары, я заметил, что Вула вызывает сильное неприязненное отношение к себе и ко мне, так как это огромное животное принадлежит к тем видам, которые никогда не приручал красный человек. Если бы кто-нибудь прошел по Бродвею со следующим за ним по пятам нумидийским львом, он произвел бы эффект, подобный тому, который произвел бы я, войдя в Зодангу с Вулой. Мысль о необходимости расстаться с верным товарищем причиняла мне такое большое сожаление и неподдельное горе, что я отгонял ее, пока мы не дошли до ворот города. Но там, наконец, надо было расстаться. Если бы дело было только в моей безопасности или удовольствии, то никакие доводы не заставили бы меня прогнать единственное существо на Таре, которое постоянно выражало мне свою привязанность и верность. Но так как я добровольно предложил свою жизнь в услужение той, в поисках которой я бросил вызов неизвестным опасностям в этом таинственном городе, я не мог позволить, чтобы присутствие Вулы угрожало успеху моего плана. Тем более что я не сомневался, что он скоро забудет меня.

Итак, я тепло попрощался с бедным животным, обещав ему, что если я благополучно вернусь из моего путешествия, я всячески постараюсь отыскать его. Он как будто понял меня, и, когда я показал ему обратное направление к Тарку, он печально пошел назад. Мне было тяжело следить за ним; я решительно повернулся к Зоданге и с ощущением боли в сердце приблизился к его угрюмым стенам.

Письмо, которое я имел, немедленно открыло мне доступ в окруженный стенами город. Было еще раннее утро, и улицы были пусты. Жилища, высоко поднятые на своих металлических колоннах, казались стальными стволами деревьев. Магазины, как обычно, не были подняты над уровнем почвы и двери их не были заперты, так как воровство совершенно неизвестно на Мусрабе. Мусрабцы боялись только убийства, и потому-то их жилища и были высоко подняты над поверхностью ночью и во время войны.

Братья Птор дали мне точные указания, как разыскать то место в городе, где я смогу найти удобное жилье и буду близко от места службы государственных чиновников, к которым мне дали письма. Моя дорога вела к центральному скверу, который имеется во всех городах на Таре. Сквер в Зоданге занимает квадратный километр и окружен дворцами джедака, джеда и других членов царского рода и знати Зоданги и, кроме того, гостиницами, кафе и магазинами.

Когда я пересекал большой сквер, любясь великолепной архитектурой построек и роскошными красными растениями, устилавшими ковром широкую лужайку, я увидел тарианца, быстро идущего мне навстречу. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, но когда приблизился, я узнал его, и, положив руку на его плечо, позвал:

- Каор, Кантос Кан!

С быстротой молнии он обернулся ко мне, и не успел я опустить свою руку, как острие его длинной шпаги коснулись моей груди:

- Кто ты? - закричал он, и в то время как обратный прыжок отнес меня метров на пятнадцать от его шпаги, он опустил острие вниз и воскликнул, смеясь:

- Я не нуждаюсь в лучшем ответе: ведь есть только один человек на Мусрабе, который умеет прыгать как резиновый мяч! Во имя матери самого дальнего месяца, Алекс, как вы попали

сюда, и разве вы стали Даренном, что научились менять цвет по своему желанию?

- Вы заставили меня пережить неприятные мгновения, друг, - продолжал он после того, как я коротко обрисовал ему свои приключения с того момента, как мы расстались на арене Варуна, - если бы мое имя и место, где мой родной дом, были известны в Зоданге, я бы уже сидел на берегу далекого озера Корус с моими умершими предками. Я здесь в интересах Тардос Морса, джедака Гелиума, чтобы открыть местопребывание Деи Торис, нашей принцессы. Саб Тзэн, принц Зоданги, спрятал ее в городе. Он безумно влюбился в нее. Его отец, Тзэн Козис, джедак Зоданги, поставил условием мира между нашими странами ее добровольное согласие на замужество с его сыном. Однако Тардос Морс не соглашается на его просьбы. Он ответил, что он и его народ скорее согласны увидеть мертвое лицо своей принцессы, чем видеть ее замужем против ее воли, и что лично он предпочитает быть брошенным в пучину или видеть пожар Гелиума, чем соединить знак своего дома со знаком Тзэна Козиса. Его ответ был самым тяжелым оскорблением зодангцам, но любовь его народа к нему еще более окрепла и власть его в Гелиуме крепка как никогда.

- Я здесь три дня, - рассказывал Кантос Кан, - но я еще не узнал, где заключена Дея Торис. Сегодня я вступаю в зодангский флот в качестве воздушного разведчика. Я надеюсь этим путем добиться доверия Саба Тзэна, принца, который командует флотским дивизионом, и, таким образом, узнать, где находится Дея Торис. Я счастлив, что вы здесь, так как знаю вашу верность нашей принцессе. Я уверен, что, работая вместе, мы достигнем многого!

Сквер начал постепенно наполняться народом, занятым своими повседневными обязанностями. Магазины открылись, в кафе появились утренние посетители. Кантос Кан повел меня в один из этих роскошных ресторанов, где нам была подана еда, приготовленная исключительно при помощи механических аппаратов. Ни одна человеческая рука не трогала пищу с того момента, как она сырая попала в ресторан, и до тех пор, пока она появилась, горячая и вкусная, на столах перед посетителями, надавливающими маленькие кнопки, чтобы заказать то или иное блюдо.

Когда мы поели, Кантос Кан повел меня с собой в квартал, где был расположен эскадрон воздушной разведки, он представил меня начальнику и попросил принять меня в войско. Согласно обычаю, для поступления требовался экзамен, но Кантос Кан сказал, чтобы я не боялся, так как об этой стороне дела он позаботится. Он выполнил это, взяв мой билет для экзамена и представившись экзаменатору как Алекс.

- Эта хитрость откроется позже, - объяснил он мне весело, - когда они начнут проверять мой рост, вес и другие параметры, но пока это будет сделано, пройдет несколько месяцев, и наша миссия будет выполнена, либо мы потерпим неудачу задолго до этого срока.

Ближайшие несколько дней Кантос Кан учил меня искусству летать и управлению тех маленьких аппаратов, которые употребляются тарианами для этой цели. Тело воздушной лодки, для одного человека, имеет около 4 метров в длину, метра в ширину и 7 сантиметров в толщину, оно заострено с обоих концов. Летчик сидит на вершукше этой плоскости на особом сиденье, построенном над маленькой бесшумной машиной из радия, которая управляет всем аппаратом. Весь секрет легкости и упругости заключен между тонкими металлическими стенками тела и состоит из восьмого луча, или лучей движения, как можно назвать их по их свойству.

Этот луч, подобно девятому лучу, неизвестен на Земле, но тарианцы открыли, что он является неотъемлемой частью спектра, независимо от какого источника он исходит.

Тарианцы узнали, что восьмой солнечный луч продвигает свет солнца к разным планетам и что у каждой планеты свой индивидуальный восьмой луч, который отражает полученный солнечный луч и продвигает его дальше. Солнечный восьмой луч поглощается поверхностью Мусраба, но есть восьмой мусрабский луч, который посылает свет с Тары в пространство. Он постоянно струится с планеты, составляя силу, обратную силе тяжести. Если его удержать, он в состоянии поднять огромные предметы с поверхности планеты.

Эти-то лучи и делают тариан способными к тем изумительным полетам, когда военные корабли, по размерам далеко превосходящие все известное на Земле, летают в легком воздухе Тары так же грациозно, как игрушечные пузыри в тяжелой атмосфере Земли.

В течение первых лет после открытия этих лучей было немало странных происшествий, пока не научились измерять и контролировать эту чудесную силу. Лет 900 тому назад первый большой военный корабль, который был выстроен с резервуарами для восьмого луча, был снабжен слишком большим количеством лучей, и в одно мгновение отлетел от Гелиума с пятьюстами солдат и офицеров, чтобы уже больше не вернуться.

Сила отталкивания этих лучей от планеты так велика, что они увлекли корабль в пространство, где теперь с помощью сильных телескопов можно видеть его, блуждающим по небесам в двадцати тысячах километров от Тары – маленький спутник, который бесконечно будет вращаться вокруг Мусраба.

На четвертый день после своего прибытия в Зодангу я совершил первый полет, и достиг места, где помещается дворец Тзэн Козиса.

Когда я летел над городом, я описывал много кругов, как это делал Кантос Кан, а затем, взяв большую скорость, с устрашающей быстротой помчался к югу, следуя направлению одного из больших водных путей, идущих в Зодангу.

Меньше чем за час я пролетел, вероятно, 4000 километров, когда далеко внизу я разглядел группу из трех зеленых воинов, которые быстро мчались к маленькой фигуре, старавшейся, по-видимому, добежать до одного из обнесенных стеной полей.

Направив свою машину к ним и описывая круги в тылу зеленых, я скоро заметил, что предметом преследования был красный тарианец, носящий знак эскадрона, к которому принадлежал и я. Недалеко лежал его аппарат, вокруг него были разбросаны инструменты, при помощи которых он, очевидно, исправлял какое-то повреждение, когда был, застигнут зелеными воинами. Они были уже почти около него; их тоты настигали сравнительно маленькую фигуру, а воины наклонились вправо, держа в руках длинные металлические копья.

Они были уже почти около него; каждый, казалось, хотел первым поразить бедного зодангца. Еще один момент, и его судьба была бы решена, если бы не мое своевременное появление.

Держа свой проворный аппарат позади них и, летя с большой скоростью, я быстро догнал и, не замедляя полета, вонзил клюв маленького летуна как раз между плечами ближайшего воина. Толчок, достаточно сильный, чтобы пробить сталь, толщиной в несколько дюймов, подбросил обезглавленное тело в воздух через голову его тоты; оно упало рядом на мох. Тоты двух других воинов обернулись и с ревом помчались в противоположную сторону.

Уменьшив скорость, я спустился на почву к ногам изумленного зодангца. Он горячо благодарил меня за своевременную помощь, и обещал, что этот мой поступок не останется без награды, так как он был ни кто иной, как двоюродный брат джеджака Зоданги. Мы не стали тратить много времени, так как знали, что воины, безусловно, вернуться, как только сумеют

совладать со своими тотами. Поспешив к поврежденной машине, мы приложили все усилия, чтобы закончить починку и почти преуспели в этом, когда увидели, что два зеленых чудовища возвращаются. Когда они приблизились на сто метров, их тоты решительно отказались идти дальше к испугавшей их машине.

Воины спешили и, отпустив своих животных, направились к нам пешком с обнаженными длинными мечами. Я направился навстречу более сильному, сказал зодангцу, чтобы он сделал все, что может с другим. Покончив со своим противником без особых усилий, что стало для меня привычным, благодаря большой практике, я поспешил к моему новому знакомцу, которого нашел в отчаянном положении.

Он был ранен и лежал на земле. Противник поставил свою огромную ногу ему на грудь и поднял меч, чтобы нанести последний удар. Я перепрыгнул отделяющее нас расстояние в 50 метров и, вытянув острие шпаги, проткнул тело зеленого воина. Его меч упал, не нанеся удара, а сам он тяжело рухнул на распростертое тело зодангца.

При беглом осмотре я убедился, что смертельных ран нет, и после короткого отдыха он заявил, что чувствует себя в силах отправиться в обратный путь. Он должен был полететь отдельно, так как эти хрупкие лодочки могут перевозить лишь одного человека.

Закончив ремонт, мы поднялись к спокойному безоблачному небу и без дальнейших приключений, вернулись в Зодангу.

Приблизившись к городу, мы увидели большую толпу мирных граждан и солдат, собравшихся на лугу перед Зодангой. Небо было черно от военных кораблей и частных лодочек, на которых развевались флаги из пестрого шелка, хоругви, знамена со странными и живописными рисунками.

Мой спутник подал мне знак опуститься и, подлетев близко к моему аппарату, уговорил меня посмотреть церемонию, устроенную для оказания почестей офицерам и солдатам за храбрость и другие выдающиеся подвиги. Он развернул маленькое знамя, указывающее, что его корабль несет члена царской семьи, и мы начали пробивать себе дорогу между массой низколетящих воздушных кораблей, пока не повисли как раз над джеджаком Зоданги и его свитой. Все они были верхом на маленьких домашних тоттах. На сбруе и украшениях было такое количество пестро раскрашенных перьев, что я был поражен удивительным сходством между этой свитой и цыганами с Земли.

Кто-то из свиты обратил внимание Тзэн Козиса на присутствие моего спутника над их головами, и правитель сделал ему знак спуститься. Пока войска выстраивались прямо перед джеджаком, он разговаривал со своим кузеном, причем время от времени поглядывал на меня. Слов их я не мог расслышать. Когда разговор кончился, все спустились с тоттов. В это время последние войска уже встали в позицию перед своим императором. Один офицер из свиты приблизился к войскам и, назвав имя солдата, приказал ему выйти вперед. Затем офицер рассказал о героическом поступке солдата, который вызвал одобрение джеджака. Тогда последний подошел и прикрепил металлическое украшение к левому рукаву счастливого человека.

Десять человек было награждено таким образом, когда адъютант сказал:

- Алекс, воздушный разведчик!

Никогда в жизни я не был так сильно изумлен, но привычка к военной дисциплине была так сильна во мне, что я легко спустил машину и пешком, как это делали другие, приблизился к

офицеру. Когда я остановился перед ним, он обратился ко мне громким голосом, слышным всем собравшимся:

- Алекс! В благодарность за вашу замечательную храбрость и ловкость, проявленные вами при защите двоюродного брата джеддака и в победе над тремя зелеными воинами, джеддак доставляет себе удовольствие возложить на вас знак его одобрения.

Тогда Тзэн Козис подошел ко мне и, прикрепив украшение, сказал:

- Кузен рассказал мне подробности вашего удивительного подвига, который кажется почти чудом. Если вы так хорошо защищаете кузена джеддака, то насколько лучше вы сумеете защитить особу самого джеддака! Вы назначаетесь в гвардию, и отныне будете помещаться в моем дворце.

Я поблагодарил и по его приказанию присоединился к членам его свиты. После окончания церемонии, я поставил аппарат на место под крышей бараков воздушного эскадрона и доложил офицеру о приказе, об отправке меня во дворец.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/499470>